

КУРТ ТУХОЛЬСКИ

**Райнсберг: Книга с картинками
для влюбленных**

Курт Тухольски

**Райнсберг: Книга с
картинками для влюбленных**

«Автор»

2024

Тухольски К.

Райнсберг: Книга с картинками для влюбленных / К. Тухольски —
«Автор», 2024

Вышедшая в 1912 году повесть «Райнсберг: Книга с картинками для влюблённых» - первое литературное произведение выдающегося немецкого автора Курта Тухольски. Успех «Райнсберга» у публики и многотысячные тиражи сделали имя Тухольски по-настоящему знаменитым и впоследствии способствовали его блестящей публицистической карьере. По словам современницы писателя, эта повесть стала для поколения Первой мировой войны тем же, чем были для своего времени «Страдания юного Вертера» Гёте.

© Тухольски К., 2024

© Автор, 2024

Курт Тухольски

Райнсберг: Книга с картинками для влюбленных

Предисловие переводчика

Вышедшая в 1912 году повесть «Райнсберг: Книга с картинками для влюблённых» – первое литературное произведение выдающегося немецкого автора Курта Тухольски. Успех «Райнсберга» у публики и многотысячные тиражи сделали имя Тухольски по-настоящему знаменитым и впоследствии способствовали его блестящей публицистической карьере. По словам современницы писателя, эта повесть стала для поколения Первой мировой войны тем же, чем были для своего времени «Страдания юного Вертера» Гёте: «Мы дарили эту книгу нашим возлюбленным, идущим на фронт».

В наши дни не так просто сразу оценить, в чем же состояла провокационность и революционность этой публикации, которые так оценила молодежь. Действие в повести происходит в 1911 году. Влюблённая пара – Вольфганг и Клэр – едет в провинциальный Бранденбург, чтобы развеяться от суеты большого города. И ... и собственно, совсем ничего не происходит. Повесть лишена динамического повествования или драматизма и представляет собой скорее классическую идиллию.

Но для идиллии, как известно, крайне важен фон, на котором она происходит – «анти-идиллия». И вот тут автор лёгкими мазками рисует целую гамму конфликтов. Конфликт современного, динамично растущего Берлина и сонной прусской провинции; конфликт поколений – неженатая пара, тайком отправляясь в путешествие, ведет себя по тем временам аморально, к тому же Клэр учится на медицинском (женщины только-только допущены в университеты) и даже курит на публике; конфликт между пацифистскими воззрениями продвинутой столичной молодежи и набирающим силу милитаризмом; конфликт между юной романтикой и блеклым мещанством... Наконец, между слепой беззаботной независимостью влюблённых и внешним миром, который, как выяснится позже, уже скатывается в катастрофу и в конечном счете предъявит счет и юной задаваке Клэр, и юному романтику Вольфгангу, и пока еще молодому Курту Тухольски. Но это будет позже. А пока...

Райнсберг: Книга с картинками для влюбленных

Само приключение началось не сразу, а на пересадке в Лёвенберге. Скорый поезд устало вытянулся в сумраке под деревянной крышей вокзала. Они прошли через тоннель и, поднимаясь, в ярком солнечном свете увидели маленькие вагончики местного «подкидыша». Тот казался выточенным из дерева, детским, ненастоящим.

Они поднялись в вагон.

«Клэр?»

«Да, Вольфганг?»

«Он ведь вряд ли поедет... может быть, пройдёт?»

«Сядь и положи руки на колени. Мы вот-вот отправимся»

Состав дёрнулся и неспешно двинулся вдоль огородов, каменных стен. Небо вдали слипало белизной... Был ли этот ландшафт прекрасен? – Нет. Там и сям виднелись кучки деревьев, не особо примечательные. На горизонте земля шла волнами, волны то накрывали, то являли глазам очередную рощицу – было радостно уже просто от того, что всё на своем месте...

Паровозик пыхтел, его сердитое гудение, доносившееся сквозь завесу черного дыма, звучало напевно. Так звучит церковный колокол в грозу.

«Вольф, путеводитель!»

Они оставили путеводитель в скором поезде. Он оставил путеводитель в скором поезде.

Состав вдруг затормозил, прямо посреди леса. Головы высунулись в окна; люди в форме неслись к хвосту поезда, прихватив лопаты – похоже, от искр из трубы локомотива случился небольшой пожар...

«Я тоже тушить!»

Он кувычком скатился по песчаной насыпи; пассажиры смеялись. Клэр наверху таращила глаза:

«Ты же не должен...!»

Юноша вернулся, весь в пыли с головы до ног, счастливо улыбаясь. Вот это было настоящее дело. Через вагон прошли служащие. Поезд тронулся.

«Вообще-то...»

«Что?»

«Это весело. Представь, папа и мама сегодня сидят в своих конторах, или ездят по городу. Уверенные, что их доченька в надежных руках заботливой подруги. А тем временем...»

«Тем временем...»

«Ну, ты ведь тоже заботливо заботишься»

Сидевший рядом охотник – обвешанный амуницией увалень, весь в зеленом, – давно уже про себя посмеивался над ними. При взгляде на него представлялось раннее стылое утро; охотник пробирается сквозь сумерки, вокруг терпкий аромат леса... Маленькое тёмное дуло его ружьишка уже сейчас пялится вверх угрожающе: отсюда полетят пули; косуля, на которую завтра нацелится этот ствол, как раз сейчас, может быть, пришла с подружками к ручью, попила и грациозно исчезла в чаще...

Перед очередной станцией охотник поднялся, набил трубку. «Ждем открытия охоты, юноша», – засмеявшись, он вышел.

Чтобы перекричать грохот и лязг, приходилось орать на все купе. Но и это не очень помогало.

«...Солнце светит над полями...»

«Что? Солнце едет над полями?»

«Нет... Солнце свеетит... полями... Смотри: акация! Акация цветет. Сколько цветущих акаций...»

«Еще чего. Это магнолия»

«Ха. И кто из нас разбирается в ботанике? Я или я?»

«Это магнолия»

«Любовь моя, не заставляйте меня пожалеть, что не могу хорошенько отшлепать вас. У данных растений все известные науке признаки акаций»

«И тем не менее это магнолия!»

«Господи, Клэр! Ну посмотри на эти вытянутые листочки, на эти маленькие белые соцветия, они будто грозди винограда! Девушка, опомнитесь!»

«Ну... Вольфи... если это и правда магнолия...»

Он душит ее поцелуями.

И как было не спародировать деревенскую бабу в переднике по самую грудь? Крестьянка шла по перрону на предпоследней станции и вдруг, остановившись и широко расставив ноги, задрала подол и громко высморкалась в одну из нижних юбок. Клэр блестяще справилась с ролью.

Они наконец прибыли.

Гостиница, о которой в размещённом в вагоне рекламном плакате говорилось, что это заведение с многолетней репутацией и изысканной кухней, прислала фаэтон с двумя лошадьми и кучером. Встречающий сходил за исправно сданным в Берлине багажом – двумя маленькими чемоданчиками. Багаж был погружен, пассажиры уселись. Им едва удавалось балансировать на обитых черным дырявым дерматином подушках; стёкла дребезжали, и общаться приходилось посредством энергичной жестикуляции.

Они ехали одни, шоссе было покрыто пылью и совершенно пустынно. Пару сотен метров молодым людям удавалось соблюдать приличия. Но на первом же повороте, там, где сошлись здание почты и дом землевладельца Иоганнеса Лаутербаха, схлестнулись в споре, чей чемодан своим крохотным размером вызовет наибольшие подозрения. Они называли свои чемоданчики «свинки – копилки». При этом Клэр утверждала, что Вольфганг содержанием своего саквояжа вопиюще позорит компанию, в то время как она, Клэр, является хранительницей утонченности.

Оба без конца болтали, но Клэр особенно. Она пользовалась своеобразным языком, который сама придумала. Фразы походили на те сочетания, которые составляют детишки, налаживая речевые отношения с миром; жонглировала слогами, изменяя слова почти до неузнаваемости; заменяла «т» на «ф»; путала артикли. Было неясно, смеется ли она над неуклюжестью фразы или над собеседником. Когда Клэр сообщала, что изучает медицину, в это верили с трудом. Она постоянно играла, придумывая роли и образы для всего реального или вымышленного.

Повозка остановилась.

«Детка, не забудь свой чемодан с фальшивыми купюрами»

«Ах, точно»

Отельный служитель выпучил глаза и остался стоять с разинутым ртом.

Приветливый пожилой хозяин провел их в комнату на втором этаже. Та была обставлена просто и смотрелась пустовато. Обои в цветочек, деревянные кровати, здоровенный умывальник и ваза с искусственными цветами. На стене висел диптих: одно творение живописало «Завоевание Англии норманнами», другое, симметрично расположенное, ровно того же размера и в такой же раме – «70-летний юбилей гран-папа».

Дверь закрылась, они остались одни.

«Клэр?»

«Да, Вольфганг?»

«Мне кажется, я оставил дома ключ от чемодана...»

«Ах ты ж мой воробушек, – она состроила хищную гневную гримасу, привлекла его к себе, сильно прижалась к его рту губами. Снова оттолкнула. – Такой забывчивый мальчик, ай-я-яй». Непонятно, была ли она сейчас в образе любящей мамыши или совсем в другой роли.

«Давай разложим вещи, мой милый Хулле-Пулле».

Вздыхнув, они принялись распаковывать и раскладывать пожитки.

«Ну я всёж. Сейчас причешусь и пойду прогуляюсь. А ты ж?»

«Это решение предоставьте мне. Вы будете проинформированы в надлежащее время»

Их общение редко протекало в одном стиле. Но это не смущало – важно было не подобрать подходящие слова, а употребить что-нибудь этакое, сбить партнёра с толка, испытать его на прочность.

Они спустились вниз...

*

Рыночная площадь была засажена старыми, очень низкими деревьями. Было тенисто и тихо. Дорожка вела через кованые ворота в безлюдный городской парк. В простеньком белом здании замка стучал молотком одинокий работяга. Молодые люди развернулись и через двор замка снова вышли в тишину парка... В них ещё бродили и гремели звуки большого города,

звон трамваев, громкие разговоры, шум дороги на пути сюда... вообще шум их повседневной жизни, который они сейчас не слышали, но с которым психике приходилось незаметно справляться, растрачивая запасы энергии... Теперь всё умолкло, и эта тишина действовала парализующе. Так бывает, когда вдруг отключают монотонный, давно ставший привычным звук. Они долго молчали, напиваясь покоем тенистых дорожек парка, ровной гладью озера и зеленью деревьев... Подобно всем горожанам восторженно любовались каким-нибудь невзрачным кустиком, находя его необычайно красивым. Не понимая ничего в деревенской жизни, они, возможно, смотрели на всё вокруг не менее однобоко, чем местные крестьяне, – только с противоположной, непрактичной стороны. К счастью, здесь в Райнсберге не требовалось особого знания сельского быта, в конце концов они приехали не на ферму.

Они дошли до второго пруда, присели на скамейку. Тишина.

«Вольфганг?»

«Да, Клэр?»

«Как думаешь, медведи тут водятся? Одну мою пожилую тётю один раз медведь чуть не...»

«... разорвал? Медведь?»

«Да нет! – она была в возмущении. – Я что, сказала «разорвал»? Я хотела сказать... Но ты ведь меня защитишь, да?»

«Клянусь...»

«Хм...»

Снова стало тихо. Клэр сидела, уставившись на грязно-зелёную воду. Она явно была озабочена какой-то мыслью.

«Послушай. Почему здесь вообще нигде не чувствуется второй Фридрих? В Сан-Суси он повсюду – в каждой причёсанной аллее, в каждой шпалере, за каждой статуей. А тут он жил. Если бы ты об этом не знал, ты бы его почувствовал?»

«Нет. Может быть, чтобы оставить на всём отпечаток своей личности, нужно быть старше и могущественнее... А кто из нынешних может сравниться со стариком? Вот наши квартиры, например, – разве по ним можно понять, кому они принадлежат? Дятел, смотри, смотри – дятел!»

«Вольфи, это не дятел. Это сипуха»

Он поднимается со скамейки. С выражением произносит:

«Подозреваю, ты намерена надо мной посмеяться. А у меня нюх на такие проделки. И если моё предположение перерастёт в уверенность, я тебя поколочу»

Её хохот отражается от пихт и несётся по всему парку.

*

Зáмок! Надо же еще посмотреть замок! Они гулко топают по двору, тянут за длинную латунную ручку звонка, украшенную белым фарфоровым набалдашником.

Наверху скрипит окошко: «Минуточку!». Дверь над маленькой лестницей открывается, но никто сначала не выходит. Потом слышатся тяжелые шаги, и в проем протискивается тучный смотритель. Оказавшись в поле зрения посетителей, он делает нечто оригинальное: он представляется. «Меня зовут господин Адлер. Кастелян замка».

Поблагодарив с выражением почтения, молодые люди называются супружеской четой Гамбетта из Линденау.

Очевидно попав под влияние исторического контекста, толстяк-смотритель выдерживает паузу. Его губы подрагивают. Затем:

«Ну, пройдёт с тыльной стороны. Так будет быстрее».

За массивной деревянной дверью оказалась тёмная каменная лестница. С трудом одолев ступени, они прошли в бывшую приемную, где на полу были разбросаны около двадцати-тридцати пар войлочных бахил самых разных размеров. Могло показаться, что тут позабавилась фея из сказки. Или волшебный горшочек опять сломался и напёк обувки сверх заказанного...

«Мне они все будут велики», – заявила Клэр.

«Ничего, – возразил господин Адлер. – Надевайте смело. Пусть чуть-чуть болтаются». Сам смотритель от природы был в войлочных шлепанцах, так что ему надевать бахилы не было нужды.

Комнаты, через которые они проходили, были обставлены очень аскетично. Даже намёка не было на тот лёгкий беспорядок, который собственно и делает помещение обжитым – все предметы мебели были расставлены по линейке.

«А вот это так называемая комната принца, – рассказывал господин Адлер, – и вот в этой корзине спала итальянская борзая. Борзые – как вы, надеюсь, знаете, были...»

«Подумать только, Клэр. Когда-нибудь и по твоим комнатам словоохотливые экскурсоводы будут водить влюблённые парочки»

«Пусть водят. У нас будет везде красота, не грех и экскурсии водить»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.